

Eurosarmata

O postawach i wyborach
Henryka Sienkiewicza

Moim Najbliższym

NR 3089

Ewa Kosowska

Eurosarmata

O postawach i wyborach
Henryka Sienkiewicza

Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Katowice 2013

Redaktor serii: Studia o Kulturze
Dobrosława Wężowicz-Ziółkowska

Recenzent
Marceli Kosman

Książka dofinansowana z grantu Narodowego Centrum Nauki
2012/06/A/HS2/00252

Publikacja będzie dostępna – po wyczerpaniu nakładu – w wersji internetowej:

Śląska Biblioteka Cyfrowa
www.sbc.org.pl

Ewa Kosowska

Euro-Sarmatian On Henryk Sienkiewicz's attitudes and choices

Summary

Traditional Polish culture identified the “spiritual” above all with the sphere of religion and morality. It considered artists as “pretentious aesthetes.” Intellectuals, on the other hand, were admired, but their messages were rarely understood. The aesthetic needs, sometimes very refined, were more often met in the process of consumerism than production. It derived largely from the approach to the handcraft in general, and particularly to the native one. However, despite clear inclinations to individualism, they took into account the public opinion. Locally, the neighbours' opinion was highly valued, and sometimes treated as manifestation of old-boyism, small-town mentality, later on, provincialism on a beyond-local scale, though, citizenship attitudes were also attempted to be shaped based on the public opinion. Social relations giving the sense of familiarity, tribal in their provenance, translated into a certain form of conservatism metaphorically called Sarmatism with time.

It seems that Sienkiewicz relatively quickly recognized a fundamental axiological structure of our culture. He could appreciate the power and value of basic community attitudes, and referred to them often in his novels, speeches and feature writing. In order to reveal the mechanisms hidden in them, Sienkiewicz had to work out an appropriate distance that allowed him to avoid an over-excessive personal engagement, and, at the same time, maintain a natural attachment with a native tradition. There is no evidence to claim that he did it fully aware. One should rather think that he skillfully made use of experiences he had.

The fate dealt him a life in a journey. One of the most outstanding Polish writers was *de facto* a globetrotter that became a citizen of Europe with time. Sienkiewicz wrote on trains, in hotels and boarding houses, when visiting family and friends. He met hundreds of people, visited museums, went to theatres and concerts, followed and commented on political events, and lived an eventful social life. He left thousands of letters he wrote to his family, friends and colleagues. He was fascinated with Europe at that time that did not only experienced trauma after the French Revolution and Napoleonic battles, but also flourished civilizationally entering the era of an abrupt industrialization. At the same time, Sienkiewicz was aware of a peculiar “end of our world,” a slow death of a system of value built on a traditional agrarism. Yet, he belonged to a big community

of gentry “knocked off their perch.” But it is those “knocked off,” like the peasants, that were “taken fetters off their legs with shoes” after granting property, that seemed most strongly attached to a tradition ethos, rarely managed to adapt to new civilization conditions, and needed a psychological support in constant battles for their daily bread.

What an ambitious writer could offer them under such circumstances was a story gracing the past, values coming from national uprisings having a discreet charm of Sarmatian tradition to which he was strongly attached. But Sienkiewicz was also a European by choice and necessity. He looked at Poland from the perspective of a person travelling across the whole continent, and Europe from the perspective of an inhabitant of a periphery country devoid of its own statehood at one time, and through the prism of his own experienced gained on other continents at some other. He used to build his own writing personality on various bases. He did not resign from the tradition inherited after his predecessors, and did not criticize what was different for being different. He was trying to harmoniously combine the developments of technical civilization with the old-nobleman ethos.

If any of the Polish writers can be called Euro-Sarmatian, it is Sienkiewicz. Perhaps such a situation is the result of not only multiple choices, but a fortunately played game where the stake was not only maintaining a cultural identity and memory about the role of Poland and Europe, but also presenting a native potential. The writer who has become a one-man-institution, a national symbol of success, and, at the same time, an authority on political issues since he published the Trilogy, rarely avoided occasions to support initiatives consolidating the community of Poles in “historically difficult times” in practice. He was a member and an honourable member of numerous associations, gave lectures and took part in meetings, as well as engaged in various social actions. The traces of his activity can be found above all in feature writing and correspondence. He did not escape from ideological declarations, but, being in favour of particular solutions, never ended up moralizing, and avoided intrusive didacticism. Perceived as a conservative gracing a Sarmatian past of the nation devoid of its own statehood, he was, at the same time, modern and extremely mobile, as well as one of the most outstanding citizens of Europe at that time, and a rationalist engaged in the political discourse. The popularity of his vision of history in which he accentuated honesty and bravery of the old Poles made him a moral authority, even more, due to the fact that he reacted to present-day events with dignity. A unique model of Euro-Sarmatism worked out by Sienkiewicz has become in this book the subject of the series of analyses and interpretations made from the perspective of a historian and theoretician of culture.

Эва Косовска

Евросармат О гражданской позиции и выборах Генриха Сенкевича

Резюме

Традиционная польская культура то, что «духовное», отождествляла прежде всего со сферой религии и нравственности. Творцов считали «эстетствующими личностями», интеллектуалистами восхищались, но редко понимали то, что они хотели передать. Эстетические потребности, иногда очень изысканные, чаще удовлетворялись в процессе потребления, чем производства. В большой степени это вытекало из отношения к ремеслу вообще, а к польскому ремеслу в особенности. Зато – несмотря на отчетливые склонности к индивидуализму – очень считались с общественным мнением. В местном масштабе мнение соседей оценивалось высоко; в более широком масштабе его иногда признавали проявлением кумовства, косности или – позднее – провинциализма. Вместе с тем, опираясь на общественное мнение, пытались формировать гражданские позиции. Общественные отношения, дающие чувство привычности, племенные по своему происхождению, со временем переложились на определенную форму консерватизма, метафорически называемого сарматизмом.

Кажется, что Сенкевич относительно быстро распознал основную аксиологическую структуру польской культуры. Он умел оценить должным образом силу и ценность выражения общественных позиций. Он часто на них ссылался как в своих романах, так и в выступлениях или публицистических письмах. Для того, чтобы выявить скрывающиеся за ними механизмы, он должен был выработать некую дистанцию, которая позволяла ему избежать чрезмерной личной ангажированности, но одновременно сохранить естественную связь с родной традицией. Нет оснований утверждать, что он действовал в данном направлении с полным осознанием этого. Скорее следовало бы судить, что он умело пользовался повседневным опытом, который стал его уделом.

Судьба принесла ему жизнь, полную путешествий. Один из самых великих польских писателей был *de facto* глобтроттером, который с течением времени стал гражданином Европы. Он писал в поездах, гостиницах и пансионатах; в гостях у родных и знакомых. Он встречал сотни людей, посещал музеи, бывал в театрах и на концертах, следил за политическими событиями и комментировал их, вел бурную светскую жизнь. После него остались тысячи писем, которые он писал родственникам, друзьям и знакомым. Он восхищался современной себе Европой, которая не только пережи-

вала травму после французской революции и наполеонских войнах, но и расцветала в цивилизационном плане, вступая в эру стремительной индустриализации. Наряду с этим он отдавал себе отчет в «конце нашего мира», в постепенном умирании системы ценностей, созданной на традиционном аграризме. Сам он ибо принадлежал к великой общности шляхты, «высаженной из седла». Но именно эти «высаженные», подобно крестьянам, которым после раскрепощения «сняли цепи с ног вместе с сапогами», казались сильнее всех привязанными к традиционному этосу; это им редко удавалась адаптация к новым цивилизационным условиям, это они требовали психологической поддержки в неустанной битве за кусок хлеба.

То, что мог в этих условиях предложить амбициозный литератор, это повесть о хвале прошлого, о ценностях, восходящих к национальным порывам, о дискретном обоянии сарматской традиции, к которой он сам был сильно привязан. Но Сенкевич был европейцем по выбору и по необходимости. Он смотрел на Польшу сквозь призму путешественника, странствующего по всему континенту, а на Европу сквозь призму жителя периферийной страны, лишенной собственной государственности, а также с точки зрения собственного опыта, полученного на других континентах. Свою писательскую личность он создавал на разных основаниях. Он не отказывался от унаследованной от предков традиции, не критиковал за чуждость того, что является иным, старался гармонично соединить достижения технической цивилизации с этосом старинной шляхты.

Если кого-нибудь из польских писателей можно бы было назвать евросарматом, то именно его. Возможно, такая позиция оказалась эффектом не только многочисленных выборов, но и счастливой игры, в которой ставкой было не только удержание культурного идентитета и памяти о значении Польши в Европе, но и презентация отечественного потенциала. Писатель, который со времен публикации трилогии («Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыевский») стал человеком-институтом, национальным символом успеха, а вместе с тем непререкаемым авторитетом по общественным вопросам, на практике редко пропускал случай поддержать инициативы, укреплявшие общность поляков в «исторически трудных моментах». Он был членом и почетным членом многочисленных товариществ, читал лекции, участвовал во встречах, был задействован в различных общественных акциях. Следы его деятельности можно найти прежде всего в публицистике и переписке. Он не сторонился от идейных деклараций, но, высказываясь за определенными решениями, никогда не морализировал и избегал навязчивого дидактизма. Воспринимаемый как консерватист, превозносящий сарматское прошлое народа, лишенного государственности, одновременно он был прогрессивным и необычайно мобильным человеком, одним из самых знаменитых граждан тогдашней Европы, рационалистом, задействованным в политическом дискурсе. Популярность излагаемого им видения истории, в котором он акцентировал честность и храбрость предыдущих поколений поляков, привела к тому, что он стал моральным авторитетом, тем более, что с достоинством реагировал на актуальные события. Неповторимая модель евросарматизма, выработанная Сенкевичем, стала в книге предметом обсуждения и интерпретации, проводимых с точки зрения историка и теоретика культуры.

Na okładce wykorzystano pocztówkę ze zbiorów Autorki

Redaktor: Katarzyna Więckowska
Projektant okładki: Zenon Dyrszka
Redaktor techniczny: Barbara Arenhövel
Korektor: Lidia Szumigala
Łamanie: Edward Wilk

Copyright © 2013 by
Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego
Wszelkie prawa zastrzeżone

ISSN 0208-6336
ISBN 978-83-226-2228-5

Wydawca
Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego
ul. Bankowa 12B, 40-007 Katowice
www.wydawnictwo.us.edu.pl
e-mail: wydawus@us.edu.pl

Wydanie I. Ark. druk. 15,5. Ark. wyd. 15,0.
Papier Alto 80 g, vol. 1.5 Cena 22 zł (+ VAT)

Druk i oprawa: PPHU TOTEM s.c.
M. Rejnowski, J. Zamiara
ul. Jacewska 89, 88-100 Inowrocław